

мереваясь дать сегодняшней момент своей современности, мог окинуть творческим взором всю перспективу развития русской жизни, охватываемой замыслом дилогии, и потому заранее составить для себя весь ее план, что в основном и сделал. Изменить план второго романа или даже заставить Достоевского вовсе отказаться от его создания, возможно, могло бы 1 марта 1881 г., в известной мере сходное по своему значению и последствиям с 14 декабря 1825 г. Но это — уже область гаданий.

Непререкаемым фактом является лишь одно: вторая часть дилогии осталась не написанной. И это сближает творческую судьбу «Братьев Карамазовых» с такими величайшими созданиями русской литературы XIX века, как «Евгений Онегин» Пушкина, как «Мертвые души» Гоголя — типологически имевшими схожую судьбу: при всей своей целостности, художественной законченности в себе, в отношении замысла автора, они остались по разным причинам незавершенными. Сюда же относится в какой-то мере замысел Львом Толстым романа о декабристах. Начав было работу над ним, он прервал ее, обратившись, как известно, в поисках исторических корней к более ранней эпохе и создав, в качестве своего рода предьстории декабризма, «Войну и мир». Затем снова вернулся к первоначальному замыслу, который, однако, так и не осуществил.

Типологически тоже весьма примечательно, что и Пушкин, и Лев Толстой, и Достоевский намерены были сделать своих «героев века» революционерами. Впрочем, связь замысла дилогии Достоевского с «Евгением Онегиным» могла быть и более непосредственной. В начале 1880 г., то есть как раз в пору разговора его с Сувориным, появились в печати воспоминания М. В. Юзефовича, в которых он передавал лично слышанное им в лагере под Эрзерумом сообщение Пушкина о намерении связать Онегина, после пережитой им личной драмы, с русским освободительным движением: сделать героя своего времени революционером-декабристом.
